

ВАРИАНТНОСТЬ И СИНОНИМИЯ ПОСЛОВИЦ

Проблема вариантности и синонимии пословиц важна прежде всего в контексте лексикографической проблематики. С этой проблемой сталкивается любой составитель паремиологического словаря; особенно остро проблема разграничения вариантов и синонимов встает при минимизации словаря в учебных целях. При отборе близких по смыслу пословичных текстов необходимо четко разграничивать синонимы и варианты. Каждый синоним должен отбираться как отдельная самостоятельная единица, варианты же не образуют отдельной единицы и рассматриваются в рамках той пословицы, вариантами которой они являются.

Решение проблемы пословичной синонимии затрудняется не только тем, что граница между синонимами и вариантами чаще всего размыта и неопределенна, но и тем, что фольклористы традиционно называют все пословицы близкого содержания вариантами. Считается, что «вариантность пословиц и поговорок проявляется главным образом в их синтаксическом и стилистическом оформлении» [Метева 1991: 83]. К вариантам фольклористы относят даже такие пословичные пары, как

Борода выросла, а ума не вынесла.

Под носом взошло, а в голове не посеяно.

Овчинка выделки не стоит.

Игра не стоит свеч.

На безрыбье и рак рыба.

На безлюдье и Фома дворянин.

Неразграничение столь далеких по своему оформлению пословиц не устраивает не только лингвистов, но и многих паремиологов. На необоснованно расширенное толкование пословичной вариантности указывает, например, Г.Л.Пермяков [Пермяков 1988: 137].

Поскольку пословицы являются своеобразными фразеологизмами, то проблема пословичной синонимии и вариантности должна решаться в контексте синонимии фразеологизмов.

Вариантность и синонимия тесно связаны с понятием устойчивости.

1. Устойчивость пословичного текста

Устойчивость сверхсловной единицы (в том числе пословицы) – это сохранение постоянного компонентного состава и передаваемого им зна-

чения во всех случаях речевого употребления. Устойчивость – это константность, стабильность формы и содержания.

Проблема устойчивости активно разрабатывается лингвистами прежде всего в рамках фразеологической теории, в которую вписывается и пословичная проблематика. В этой теории множество спорных вопросов, но «по вопросу об устойчивости имеется редкое единодушие подавляющего большинства исследователей, которые считают, что устойчивость фразеологических единиц проявляется в их воспроизводимости в готовом виде» [Кунин 1970: 76].

Относя пословицы к фразеологическим единицам особого типа, можно считать, что к ним приложимо следующее определение устойчивости: «Под устойчивостью фразеологических единиц мы понимаем постоянство их состава, неизменяемость их структуры, которая создается в языке в результате их частого употребления в данном составе и в закрепившемся за ними смысле» [Савицкая 1962: 39]. Это определение, как легко заметить, строится на тесной взаимосвязи устойчивости и воспроизводимости.

Устойчивости пословиц способствует уже сама их жанровая принадлежность. Это самые короткие фольклорные единицы, наделенные самостоятельным смыслом. Структура пословицы уместается в одном единственном предложении. И уже одно это делает текст пословицы более стабильным, чем текст былины, легенды или сказки. Пословица предназначена для устного бытования в широкой народной среде. Поэтому она не может быть трудной для запоминания. Текст, который трудно удержать в памяти, народом либо забывается, либо преобразуется в легко запоминающуюся форму. В широко известном среди паремиологов «народном» определении пословицы, которое составил В.Мидер на основе опроса множества респондентов, запоминающаяся форма (*memorable form*) называется в ряду важнейших пословичных признаков [Mieder 1985: 119]. Яркая изящная форма пословиц (их складность, благозвучность, рифмо-ритмическая организация) служит не в последнюю очередь и для их легкого запоминания, способствуя тем самым устойчивости пословичного текста.

Вместе с тем следует отметить, что пословицы строятся по моделям обычных, свободно создаваемых в речи предложений. Это, в свою очередь, способствует ослаблению их устойчивости и появлению разнообразных текстовых вариаций.

Изучая устойчивые фразы, к которым относятся и пословицы, фразеологи устанавливают различные типы устойчивости, принимая во внимание те причины, которые к устойчивости приводят.

Пословицы относятся к тому типу устойчивых единиц, которые воспроизводятся по традиции. «Языковая форма пословиц традиционна... Именно это обстоятельство, т.е. речевая традиция, мешает лексическому и грамматическому изменению или варьированию пословиц, так как иных (структурных или смысловых) препятствий для такого варьирования и изменения не существует» [Райхштейн 1971: 49]. Как показывает практика, речевая традиция нарушается говорящими гораздо легче и чаще, чем жесткие правила языковой структуры. Другие фразеологизмы скрепляются какой-то своей «неправильностью», устранение которой ведет к разрушению фразеологизма. Пословицу же скрепляет лишь традиция, допускающая некоторые отклонения. Поэтому, как отметил еще В.И.Даль, «каждая пословица говорится на несколько ладов, особенно в случае приложения ее к делу» [Даль 1984: I, 10].

На то, что пословичный текст трансформируется очень часто, указывают и современные исследователи. В предисловии к одному из сборников пословиц В.П.Адрианова-Перетц пишет: «Нетрудно заметить, что огромное количество пословиц и поговорок бытует в разных вариантах, причем вариант может внести новый оттенок и в образ, и в заключенный в нем переносный смысл» [Адрианова-Перетц 1957: 10]. Т.А.Наймушина, изучавшая использование пословиц не в спонтанной речи, а в литературных произведениях, когда автор тщательно работает над языковой формой изложения и когда исключается речевая небрежность, отмечает: «При функционировании в художественных текстах широко известные частотные пословицы и поговорки, как правило, претерпевают различного рода трансформации» [Наймушина 1984: 4].

Здесь обращает на себя внимание то, что пословицы трансформируются не иногда, а «как правило»; и В.И.Даль говорил о «каждой» пословице. Значит, изменение пословичного текста – явление типичное. Пословицы варьируются настолько часто и разнообразно, что иногда возникает сомнение в их устойчивости. А.А.Крикманн, например, прямо называет «ошибочным представлением, будто пословицы являются своеобразными “ready-made” utterances, или окаменелыми клише» [Крикманн 1978: 101]. По его мнению, такое «ошибочное представление» может возникнуть лишь у тех, кто работает либо с ограниченным материалом, либо только с письменными источниками. Этот упрек известного эстонского паремиолога едва ли справедлив. Уже тот факт, что мы легко вычленим пословицы из потока речи, говорит о наличии у них устойчивой формы, по которой мы их и «узнаем в лицо». Говоря о фольклорных изречениях разных типов (и прежде всего о пословицах), Г.Л.Пермяков замечает: «Единственное, что объединяет столь разнородные тексты в одну языковую категорию, –

это известное постоянство их облика. Все они являются устойчивыми сочетаниями слов, или, как говорят языковеды, представляют собой клише» [Пермяков 1988: 15]. Кроме того, сам факт существования пословичных словарей, сборников и списков тоже свидетельствует о том, что пословицы являются готовыми единицами, именно «ready-made utterances».

Вместе с тем практика убедительно показывает, что пословица подвержена варьированию как никакая другая единица. Можно сказать, что пословица наиболее устойчива среди фольклорных текстов и наименее устойчива среди фразеологизмов. Сопоставление различных словарей и списков показывает, что некоторые пословичные тексты допускают по 4-5 трансформаций, зафиксированных словарями. Например:

Как/сколько волка ни корми, (а) он все в лес смотрит/ глядит.

Обжегшись на молоке, дуют/ дуешь/ станешь дуть (и) на воду.

Вода/капля (и) камень долбит/ точит.

Конь (и) о/ на четырех ногах, да (и тот) спотыкается, (а на двух и споткнуться не диво).

Плох тот солдат, который не надеется/ хочет быть/ стать генералом.

Кто рано встает, тому бог дает/ тот дольше живет/ того удача ждет.

Из приведенных примеров видно, что трансформация текста приводит к некоторому изменению смысла, иногда (как в последнем примере) – к изменению довольно существенному. Кроме того, фольклористы всегда подчеркивают, что пословица – это не обычный, а фольклорно-поэтический текст, в котором художественная форма, образность является неотъемлемой частью его содержания. Более того, подчеркивается, что «пословица и поговорка являют собой готовую поэтическую формулу мысли» и что образный художественный смысл – это «главный содержательный момент в пословице» [Аникин 1976: 277 и 265]. Поэтому малоубедительным представляется утверждение Г.Л.Пермякова о том, что «все пословицы с одним смыслом (выражающие одну ситуацию) являются вариантами, а сама эта ситуация – их инвариантом» [Пермяков 1988: 22]. Здесь недооценивается художественная форма пословиц, которая играет важнейшую роль в формировании пословичного смысла.

Смена компонентов всегда так или иначе отражается на художественной форме пословицы (и на ее образно-метафорическом строе, и на ее звуко-интонационном оформлении), а значит, отражается и на пословичном содержании. Сравни, например:

*Капля и камень долбит.
Вода и камень точит.
Вода и землю точит, и камень долбит.
Игра не стоит свеч.
Овчинка выделки не стоит.
Друзья познаются в беде.
Друг познается при рати да при беде.
Конь познается при горе, а друг – при беде.*

Разные трансформации приводят к разным структурно-смысловым изменениям. В связи с этим возникает вопрос: какие изменения приводят к образованию лишь вариантов одной и той же пословицы, а какие – к порождению новой, синонимичной пословицы? Иными словами, работая с конкретным пословичным материалом, всегда приходится решать вопрос о том, где кончается вариантность и начинается синонимия, как разграничить варианты и синонимы.

Здесь необходимо сделать два замечания.

Во-первых, поскольку мы рассматриваем проблему синонимии главным образом в аспекте разграничения вариантов и синонимов, то нас интересуют прежде всего пары генетически близких, т.е. родственных между собой пословичных текстов. Неродственные тексты вариантами одной и той же пословицы быть не могут. Например:

*Куй железо, пока горячо.
Коси коса, пока роса.

Чтоб рыбку съесть, надо в воду лезть.
Не разгрызть ореха – не съесть ядра.

Клин клином вышибают.
Чем ушибся, тем и лечись.

Хоть видит око, да зуб неймет.
Близок локоть, да не укушишь.*

Можно спорить о том, насколько пословицы в каждой из указанных пар синонимичны, но не о том, разные ли это пословицы. Самостоятельность каждой из этих пословиц очевидна.

Если же пословичные тексты генетически связаны между собой (по-скольку они возникли в результате трансформации какого-то одного инварианта), то у них есть и признаки общего происхождения, и приобретенные в результате трансформации различия. Есть точка зрения, согласно которой различия в генетически связанных текстах приводят не к синонимии, а только к вариантности, поэтому «пословицы-синонимы в целом противопоставляются вариантам пословицы как генетически не тождественные пословицы» [Благова 2000: 47]. Эта точка зрения представляется мало убедительной. Два родственных, генетически связанных пословичных текста могут и по смыслу, и по художественной форме разойтись настолько, что их можно будет обоснованно считать синонимами, а не вариантами.

Сопоставляя трансформированные пословичные тексты, отграничить синонимы от вариантов бывает совсем не просто. Сколько, например, синонимов и вариантов представлено в следующем ряду:

*Всему свое время.
Всякому овощу свое время.
Всякому фрукту свое время.
Всякое семя знает свое время.
До поры до времени не сеют семени.*

О генетической связи этих пословичных текстов говорит общность ключевых компонентов (*свое время*), а также схожесть метафорики и легко прослеживаемая аналогия в их построении и в текстовой трансформации (возможно, в той последовательности, в какой они даны в примере). Ясно, что не любое изменение текста порождает новую пословицу-синоним и в указанном ряду не пять самостоятельных пословиц, но и не одна в пяти вариантах. Разные виды трансформаций в родственных пословичных текстах и роль этих трансформаций в формировании синонимии/вариантности и должны стать предметом обсуждения в данной статье.

Второе замечание относится к особому виду трансформаций, характерных именно для пословичных текстов. Как уже отмечалось, при свободном употреблении пословиц в речи говорящий далеко не всегда воспроизводит пословицу абсолютно точно. Вплетая пословицу в канву живой речи, говорящий (пишущий) не только выбирает один из устоявшихся вариантов, но и допускает в пословичный текст элементы свободного комбинирования. Вот несколько примеров, взятых из работы А.М.Мелерович и В.М.Мокиенко [Мелерович, Мокиенко 2001], изучавших речевое функционирование фразеологизмов (в том числе и пословиц):

В чужом глазу сучок видим, а в своем и бревна не замечаем.

– Зло есть во всех, – возражал ей запальчиво Петр Михайлович, – только мы у *других* видим сучок в глазу, а у себя бревна не замечаем (А.Писемский. Тысяча душ).

Повинную голову меч не сечет.

– Как блудный сын, когда он вернулся в отчий дом, мы с тобою тоже вольны вернуться. С повинной головой. *Повинную голову не рубят* (К.Федин. Необыкновенное лето).

Не плюй в колодец, пригодится воды напиться.

Олег взглянул на него, брезгливо поморщился, хотел попрощаться и уйти, но Ванин, ухмыльнувшись, сказал: «*Не плюй в колодец, еще пить захочется...*» (Н.Леонов. Выстрел в спину).

Как видно из примеров, отмеченные в них текстовые отрезки являются индивидуальными, окказиональными трансформациями пословиц. Свободные трансформации такого типа иногда называют индивидуально-авторскими [Жуков 2001: 15] (в отличие от общенародных) или речевыми [Савенкова 1989: 8] (в отличие от языковых), поскольку они не обладают рекуррентностью, а создаются лишь для данного конкретного случая, т.е. окказионально. Это явление имеет и более удачное название – авторское варьирование, под которым имеется в виду «любое, не закрепленное в практике носителей языка преобразование пословицы в лексическом, структурном или семантическом планах» [Панина 1986: 13].

Нередко устойчивый пословичный текст изменяется говорящим для достижения особого стилистического эффекта. Такие трансформации особенно характерны для художественной и публицистической речи. Например:

И волки сыты, и овцы целы.

И ведь как прелестно – никаких политических проблем! *И козы сыты, и сено цело* (Литературная газета, 1981, 1 янв.).

Волка ноги кормят.

Семь раз примерь, один раз отрежь.

Другой начальник требует... Ваше дело по городу бегать, все видеть, все знать. А вот Кузьмич нам внушает: «*Ноги только волка кормят,*

а человека должна голова кормить. Семь раз подумай, один раз беги, понял?» (А.Адамов. Злым ветром).

Исследуя такие индивидуально-авторские трансформации, Т.А.Наймушина отмечает, что «изменение ее [пословицы] формы и/или значения воспринимаются как намеренное нарушение устойчивого, общепотребительного, т.е. как сознательное ее обыгрывание. В своем трансформированном виде пословица или поговорка воспринимается как стилистический прием, преследующий определенные цели» [Наймушина 1984: 14].

К этому же типу трансформаций можно отнести те случаи, когда говорящий сознательно изменяет пословичный текст для достижения комического эффекта. Переименование пословичного текста – очень яркий и действенный стилистический прием. Используются разные приемы перестраивания всем хорошо известного текста, но чаще всего – свободные добавления к пословичному тексту и прием контаминации, когда в одно целое объединяются части различных пословиц (нередко тоже трансформированные) и получается неожиданный смысловой результат. Например:

*Ум хорошо, а сто рублей лучше.
Не в деньгах счастье, а в их количестве.
Тише едешь – дальше будешь от того места, куда едешь.
Семеро одного не ждут, если он гуляет смело.
В темноте, да не в обиде.
Покажи мне твой подарок, и я скажу тебе, кто ты.*

Трансформации этого типа в данной работе не рассматриваются, поскольку они находятся за рамками нашей темы. Индивидуально-авторские трансформации не являются готовыми языковыми единицами, это окказиональные речевые образования. Поэтому они должны рассматриваться не при установлении статуса языковых единиц, а при изучении сферы употребления подобных образований [Вяльцева 1975].

2. О пословичной синонимии

Разграничение синонимов и вариантов зависит прежде всего от того, как трактуется понятие синонимии. Под синонимами обычно понимают единицы, близкие по значению. Разногласия среди исследователей возникают в понимании «близости значения» и в определении степени близости. Совершенно справедливым следует признать замечание о том, что «наиболее сложной проблемой при определении групп синонимов являет-

ся установление близости оттенков значения слов, включаемых в данный синонимический ряд. Объективных критериев того, что считать оттенком значения, в лингвистике, к сожалению, пока не выработано, поэтому здесь проявляется во многом еще субъективный подход» [Чешко 1975: 6].

Одним из наиболее объективных показателей синонимичности двух единиц обычно считается их взаимозаменяемость в разных контекстах. Но семантический результат таких замен все равно приходится оценивать субъективно. Существует мнение, что синонимические замены в принципе невозможны без существенных потерь для смысла текста. Г.О.Винокур, например, считал, что «синоним является синонимом только до тех пор, пока он находится в словаре. Но в контексте живой речи нельзя найти ни одного положения, в котором было бы все равно, как сказать: *конь* или *лошадь*, *ребенок* или *дитя*, *дорога* или *путь* и т.п.» [Винокур 1929: 85]. Критерий взаимозаменяемости синонимов не принимается и другими исследователями (среди них А.П.Евгеньева, Е.А.Иванникова, И.И.Чернышева и др.). Кроме того, обычно говорят о взаимозаменяемости синонимичных единиц в рамках одного предложения. Пословица же сама является предложением, «пословица – это самостоятельное и самодостаточное художественное целое» [Тарланов 1999: 47]. При употреблении в речи пословица связывается с соседними предложениями совсем не так, как члены одного предложения связываются между собой. Поэтому проверка синонимичности пословиц их взаимозаменяемостью имеет еще меньше оснований, а роль субъективной оценки при работе с пословичным материалом возрастает.

Близость значения возникает у единиц, которые обозначают одно и то же понятие. Это требование обычно и кладется в основу определения синонима: «Синонимы – слова, обозначающие одно и то же явление действительности» [Шанский 1972: 52]. Это самое общее определение, которое, конечно, нуждается в уточнении. «Наиболее распространенным (нередко называемым традиционным) пониманием синонима, – пишет Л.А.Чешко, – является следующее: синонимами признаются слова, выражающие одно и то же понятие, тождественные или близкие по своему значению, которые отличаются один от другого или оттенками значения, или стилистической окраской (и сферой употребления), или одновременно обоими названными признаками» [Чешко 1975: 5]. Идентичное определение синонима дает Ю.Д.Апресян [Апресян 1957: 85], посвятивший изучению синонимии много своих работ. Такое понимание синонима положено и в основу известного Словаря синонимов под ред. А.П.Евгеньевой [Евгеньева 1975: 3]. Везде подчеркивается обязательность называния синонимами одного и того же явления, потому что «эта одинаковая номинативная

функция и является тем стержнем, благодаря которому слова в лексической системе языка объединяются в синонимические ряды» [Шанский 1972: 54].

Указанное определение синонима дано в отношении слов, но оно по сути своей верно и в отношении фразеологизмов, к которым мы относим и пословицы. Говоря о наиболее существенном признаке синонимичности в приложении к фразеологизмам, В.П.Жуков отмечает: «Наиболее общим и решающим условием синонимичности фразеологизмов следует считать то, что они выражают одно общее понятие. Вместе с тем фразеологизмы, входящие в синонимический ряд, могут и отличаться друг от друга оттенками значения, стилистической окраской, функционально-речевой сферой, а иногда всеми этими качествами одновременно» [Жуков 1987: 4].

Пословицы, однако, отличаются и от слов, и от других фразеологизмов прежде всего тем, что выражают не понятия, а суждения и обозначают типовые ситуации. Поэтому синонимичные пословицы должны обозначать тождественные или идентичные типовые ситуации, тогда они будут обладать необходимой для синонимов смысловой близостью.

Наряду с семантической близостью синонимы должны иметь и некоторые различия, относящиеся к их структурно-семантической организации и функционированию. «Слова-синонимы, – отмечает А.П.Евгеньева, – служат выражению тонких смысловых оттенков данного понятия, выражению той или иной экспрессии, эмоциональной или стилистической окраски» [Евгеньева 1975: 3]. Пословицы-синонимы выражают смысловые оттенки обозначаемой ситуации, а также различные эмоционально-оценочные оттенки. Поскольку пословичные синонимы противопоставляются по тем же параметрам, что и лексические синонимы, то принятая в лексикологии классификация синонимов приложима и к пословицам. Обычно выделяют смысловые, или идеографические, и стилистические синонимы. Эти же два основных класса выделяются и среди синонимических пословиц.

Пословицы, однако, в стилистическом отношении гораздо более однородны, чем слова. Все пословицы, как правило, употребляются в разговорной речи. Поэтому в пословичной синонимии класс стилистических синонимов представлен не так отчетливо, как в лексике. В то же время типичный для пословиц эмоционально-оценочный признак выражается в разных пословицах с разной степенью интенсивности (Сравни: *Пеший конному не товарищ* и *Гусь свинье не товарищ*). Это в значительной степени определяет сферу их функционирования (даже в рамках разговорной речи, которая неоднородна). В этом смысле можно говорить о выделении стилистических синонимов и среди пословиц.

При разграничении синонимов и вариантов большее внимание следует уделить не общим, а различным признакам тех и других единиц. Очевидно, что в сравнении с синонимами варианты должны иметь меньше различий, которые не приводят к образованию самостоятельной единицы. Говоря о таких различиях, И.Л.Федосов пишет: «Фразеологические варианты... могут отличаться одним только словом, вносящим незначительные смысловые или стилистические изменения». Вместе с тем подчеркивается, что «эти различия настолько незначительны, что они не приводят к образованию вариантных синонимов ФЕ» [Федосов 1974: 119]. Это положение приложимо и к пословицам.

При разграничении пословичных синонимов и вариантов мы исходим из следующего понимания варианта: «Варианты пословиц – это лексико-грамматические разновидности пословиц, тождественные по их значению в целом, стилистическим и синтаксическим функциям и имеющие общий лексический инвариант при частично различном лексическом составе» [Селянина 1970: 7].

Поскольку синонимы называют одно и то же явление, но по-разному, то между синонимами устанавливается не семантическое тождество, а лишь семантическая близость. Если же трансформация текста приводит к очень незначительным смысловым потерям, которыми можно пренебречь, то трансформированный и исходный тексты можно считать семантически тождественными, т.е. вариантами одной и той же единицы.

Как уже указывалось, генетически не связанные (не родственные) пословицы близкого содержания вариантами быть не могут, они могут быть лишь синонимами. Генетически же связанные пословицы могут быть как вариантами, так и синонимами. Родственные пословицы возникают вследствие разнообразных преобразований пословичного текста. Важно определить, какие текстовые изменения приводят к образованию разных синонимов, а какие – к образованию лишь вариантов одной и той же пословичной единицы.

3. Виды преобразований пословичных текстов

В процессе функционирования пословиц в живой речи «происходит пестрое и динамическое варьирование текстов (входящих в один тип) как в области лексики, так и в области синтаксиса и в области фонетики» [Крикманн 1978: 101]. Эти изменения так или иначе отражаются и на смысле пословиц. В зависимости от того, какая часть пословичной структуры подвергается изменению, обычно [см., например, Савенкова 1989: 8; Пермяков 1988: 137] выделяются а) лексические, б) грамматические и в)

структурные трансформы; отдельную группу составляют г) редуцированные пословицы.

а). Лексические изменения в тексте пословиц (замена лексических компонентов) наиболее часты и разнообразны.

Нередко то или иное слово в составе пословицы заменяется синонимом:

*У всякой/ каждой пташки свои замашки.
Свет/ мир не без добрых людей.
Худые/ плохие вести не лежат на месте.
Сколько волка ни корми, он все в лес смотрит/ глядит.
Прежде отца/ батьки в петлю не лезь/ не суйся.
Бог/ господь/ Христос терпел и нам велел.
По одежке/ по платью встречают, по уму провожают.
Пришла беда – открывай/ отворяй/ растворяй ворота.*

Подобные замены не приводят к существенному изменению смысла пословиц. Вероятно, поэтому синонимичные замены компонентов в пословичных текстах встречаются так часто. Поскольку смысловые потери при таких заменах пренебрежительно малы, тексты с синонимичным варьированием компонентов можно считать вариантами одной и той же пословицы.

В пословичных текстах в целом ряде случаев лексические компоненты заменяются стилистическими синонимами. Нельзя сказать, однако, что такие замены обязательно приводят к образованию стилистических пословичных синонимов. Например:

*Один в поле не воин/ не ратник.
Хоть видит око/ глаз, да зуб неймет.
Ночная кукушка денную/ дневную перекукует.
Бог шельму/ плута метит.
Дурная/ непутевая голова ногам покоя не дает.
Клин клином выбивают/ вышибают.
Лиха беда начало/ почин.*

При подобных стилистических заменах компонентов стилистическая окраска всего пословичного текста изменяется незначительно. Это происходит прежде всего потому, что у слов-компонентов в составе фольклорного текста стилистическая нагрузка ослаблена под влиянием стилистической окрашенности всей пословицы в целом. Очевидно, что

при подобных стилистических заменах у пословиц появляются лишь новые варианты, а не синонимы.

Сюда же можно отнести случаи замены слов (обычно существительных, реже – прилагательных) их уменьшительно-ласкательными формами. Такие замены Н.Н.Амосова называла случаями «словообразовательной перестройки одного из компонентов» [Амосова 1963: 100]. Смысл пословиц от этого не меняется, стилистическая окраска – очень незначительна. Текст в целом поэтому можно считать вариантным. Например:

*Деньги/ денежки счет любят.
Для друга/ для милого дружка семь верст не околица.
И на старуху/ старушку бывает проруха/ прорушка.
Кобыла/ кобылка с волком тягалась, только хвост да грива осталась.
Курица/ курочка по зернышку клюет, да сыта бывает.
Яблоко/ яблочко от яблони/ яблоньки недалеко падает.
Ласковое теля/ телятко/ теленок двух маток сосет.
Мал, да удал/ Маленький, да удаленький.*

Нередко в пословицах лексические компоненты заменяются не синонимами, а словами более или менее близкой семантики:

*Семь раз отмерь/ примерь, один раз отрежь.
Там/ везде хорошо, где нас нет.
У злой/ кривой Натальи все каналы.
Рыба с головы гниет/ воняет.
Слово не воробей, вылетит/ выпустишь – не поймашь.
Назвался груздем/ грибом – полезай в кузов.
Дареному/ даровому коню в зубы не смотрят.*

В подобных случаях, как и в случаях замены компонентов синонимами, смысл пословицы меняется незначительно, поэтому тексты этого типа можно считать вариантными.

Гораздо более существенно изменяется пословичный текст при замене слов-компонентов не синонимами. Несинонимические замены приводят и к более или менее значительному изменению смысла пословицы, и к смене метафоры, являющейся частью пословичного содержания. Такие изменения поэтому приводят к появлению новых единиц – пословиц-синонимов. Примеры таких трансформаций многочисленны.

*Глаза – зеркало души.
Лицо – зеркало души.
За одного битого двух небитых дают.
За одного ученого двух неученых дают.
Гречневая каша сама себя хвалит.
Хороший товар сам себя хвалит.
Золото и в грязи блестит.
Алмаз и в грязи виден.
Век прожил, а ума не нажил.
До лысины дожил, а ума не нажил.
В гостях – Илья, а дома – свинья.
В людях – ангел, а дома – черт.
Ближняя копейка дороже дальнего рубля.
Ближняя соломка лучше дальнего сенца.*

Здесь следует отметить, что лексические замены, приводящие к синонимии, должны затрагивать не любой компонент пословичного текста, а лишь ключевые слова. Хотя фольклорный текст «отредактирован» народом до совершенства и в нем нет ничего лишнего, в любой пословице есть компоненты, которые несут основную смысловую и образно-метафорическую нагрузку. По этим основным элементам мы можем узнать пословицу, даже не расслышав полного пословичного текста. Такую узнаваемую часть пословицы называют «ядром пословицы» [Norttuck 1985: 45]. В пословичное ядро обычно входят полнозначные слова (прежде всего существительные, прилагательные, глаголы), которые легче других метафоризируются.

К типу лексических замен можно отнести и так называемые серийные пословицы. Это группы пословиц, построенных по одной логико-синтаксической схеме или, по словам М.Кууси, по одной «архитектурной формуле» [Kuusi 1966: 98].

Анализ структурной организации пословиц ясно показывает, что во всех языках «существует определенное число пословичных архитектурных или композиционных формул. Такова формула <Лучше одно, чем другое> (*Лучше поздно, чем никогда*), <То-то есть то-то> (*Сделка есть сделка*)» [Дандис 1978: 16].

Таких архитектурных формул немного, но по каждой из них строится целая серия однотипных пословиц. Например:

*Лучше синица в руках, чем журавль в небе.
Лучше воробей в руке, чем петух на кровле.
Лучше теленок в хлеву, нежели корова за горой.*

*Лучше дать, чем взять.
Лучше торговать, чем воровать.
Лучше оступиться, чем оговориться.*

*Всяк кулик свое болото хвалит.
Каждая курица свой насест хвалит.
Всяка лиса свой хвост хвалит.
Всяк купец свой товар хвалит.*

*Мал соловей, да голос велик.
Мала ворона, да рот широк.
Мала птичка, да коготок остер.*

*Любишь кататься – люби и саночки возить.
Любишь взять – люби и отдать.
Любишь говорить – люби и слушать.
Любишь медок – люби и холодок.
Любишь меня – люби и собачку мою.
Любишь подарки – люби и отдарки.*

Пословицы, построенные по одной логико-синтаксической модели, образуют серии единиц, близких не только структурно, но и по смыслу. Все они называют одну и ту же типовую ситуацию, суть которой заложена в самой модели. В каждой из пословиц одной структурной серии использованы разные языковые средства, но отношения между объектами ситуации не меняются, а «характер отношения между вещами и составляет основной смысл всякой пословицы и поговорки» [Пермяков 1988: 21]. Таким образом, можно сказать, что пословицы одной логико-синтаксической модели называют одно и то же явление (одну типовую ситуацию), но по-разному. Некоторые исследователи считают эту разницу незначительной и утверждают, что серийные пословицы «составляют промежуточную зону между вариантами пословицы и пословицами-синонимами» [Благова 2000: 47]. Эта позиция представляется недостаточно обоснованной, поскольку недооценивается тот факт, что в пословицах одной серии используются разные слова. Это значит, что у них разное образно-метафорическое оформление, разная художественная форма, которая тоже является частью пословичного содержания. Да и смысл серийных пословиц со сменой ключевой лексики неизбежно претерпевает заметные изменения. Поэтому пословицы одной серии с большим основанием следует рассматривать не как варианты одной единицы и не как промежуточные

образования, а как разные единицы, находящиеся между собой в синонимических отношениях.

Обычно пословицы одной серии образуют ряд идеографических синонимов, но иногда среди них можно выделить и стилистические синонимы. Например:

*Пеший конному не товарищ.
Волк коню не товарищ.
Горшок котлу не товарищ.
Сапог лаптю не брат.
Гусь свинье не товарищ.*

В этой серии пословицы обладают разной степенью эмоционально-оценочной окраски. Пословица *Гусь свинье не товарищ* воспринимается как значительно более грубая, чем, скажем, *Пеший конному не товарищ*. И это, конечно, отразится на выборе той или иной пословицы в разных сферах общения.

б). Грамматические замены в пословичных текстах наблюдаются довольно часто. В этих случаях заменяется не само слово, а лишь его грамматическая форма. Например:

*Волков/ волка бояться – в лес не ходить.
Всяк/ всякий кулик в своем болоте велик.
Двум смертям/ двух смертей не бывать, а одной не миновать.
Для милого дружка и сережка/ сережку из ушка.
Кашу/ каши маслом не испортишь.
От трудов праведных не наживешь/ не нажить палат каменных.*

Сюда же можно отнести случаи замены местоименных компонентов:

*Не мой/ твой/ наш/ ваш воз, не мне/ тебе/ нам/ вам его и везти.
Люди пахать, а мы/ ты/ вы/ он/ она/ они руками махать.
Будет и на нашей/ моей/ твоей улице праздник.
Вашими/ твоими бы устами да мед пить.*

В некоторых случаях грамматические трансформации приводят к смене части речи у одного из компонентов и к соответствующим конструктивным изменениям в пословичном тексте. Например:

*Видно/ видеть птицу по полету // Видна птица по полету.
Близко/ близок локоть, да не укусишь.*

К типу грамматических замен можно отнести и варьирование предлогов и союзов в некоторых пословичных текстах:

*Молодец против/ среди/ на овец, а против/ на молодца и сам овца.
На людях/ с людьми и смерть красна.
Либо/ или грудь в крестах, либо/ или голова в кустах.
Муж и/ да жена – одна сатана.*

Во всех указанных случаях грамматические замены не нарушают смыслового тождества пословиц. Не изменяется существенно и художественная форма пословичного текста. Следовательно, эти замены приводят лишь к вариантности, а не к синонимии.

в). Структурные замены для пословичных текстов характерны не меньше, чем замены лексические и грамматические. Структурные трансформации нередко называют синтаксическими [Пермяков 1988: 137], поскольку у пословицы меняется синтаксическое построение.

В пословицах с трансформированной структурой выделяются две большие группы. В одних пословицах при структурных заменах почти полностью сохраняется образно-метафорическое оформление пословичного текста. В пословицах другой группы наблюдается существенная замена как структуры, так и образности.

К первой группе можно отнести такие пары пословичных текстов, как:

*Не сули журавля в небе, дай синицу в руки.
Лучше синица в руках, чем журавль в небе.
Бойся гостя стоячего, а не сидячего.
Страшен гость стоячий, а не сидячий.
Москва слезам не верит.
Москву не разжалобишь.
Любовь слепа.
У любви нет глаз.
Как постелешь, так и постишь.
Какова постель, таков и сон.
Гордым быть – глупым слыть.
Гордость глупости сосед.
Голому разбой не страшен.
Гольй беды не боится.*

*Беды мучат, да уму учат.
Беда вымучит, да выучит.*

У этих пословичных пар метафорика изменена незначительно, поскольку в них компоненты либо не изменены, либо они заменяются словами близкой семантики (*бойся – страшен, слепой – нет глаз, постишь – сон*). Такие замены не приводят к существенной смене образности пословичного текста. Поскольку у этих пар ни смысл, ни образность существенно не изменены, каждую из подобных пар можно считать вариантом одной и той же пословицы.

В пословицах другой группы образность меняется кардинально:

*В чужой монастырь со своим уставом не ходят.
В чужом доме не указывают.
Бодливой корове бог рог не дает.
Не дал бог свинье рог, а бодуца была бы.
Ешь пирог с грибами, да язык держи за зубами.
Щи хлебай, да поменьше бай.
Все хорошо, что хорошо кончается.
Конец – делу венец.
В своем гнезде и ворона коршуну глаза выклюет.
На своем пепелище и курица бьет.
Беда никогда не приходит одна.
Пришла беда – отворяй ворота.*

Как видно из указанных примеров, смена образности существенно меняет «эстетическое своеобразие» и содержание пословицы. Вместе с тем смена компонентов нередко в той или иной мере меняет и характер ситуации, которую называет пословица. Иногда со сменой компонентов пословичный текст приобретает более яркую стилистическую окраску. В этом случае можно утверждать, что «пословичное суждение обретает самостоятельность смыслового и художественного новообразования» [Аникин 1988: 10]. Поэтому структурно-семантические замены подобного типа приводят не к вариантности, а к синонимии.

Следует отметить, что в целом ряде случаев бывает трудно определить, в какой степени (существенной или незначительной) меняется смысл и содержание пословицы со сменой ее структуры и компонентного состава. Вот несколько примеров:

*Беда всему учит.
Беды мучат, да уму учат.
Волков бояться – в лес не ходить.
Бояться волков – быть без грибов.
Здоровье всего дороже.
Здоровье всему голова.
Как аукнется, так и откликнется.
Каков привет, таков и ответ.
Берись дружно – не будет грузно.
Дружно не грузно, а врозь – хоть брось.
Добрая слава далеко, а худая – дальше.
Добрая слава до порога, а худая – за порог.*

В сомнительных случаях, когда трудно отделить вариантность от синонимии, мы считаем целесообразным либо проверять сомнительный пословичный текст по авторитетным словарям и сборникам (т.е. прибегать к экспертной оценке), либо следовать совету В.П.Жукова, который писал о фразеологических вариантах и синонимах: «Во всех случаях, когда трудно или невозможно установить, являются ли конкретно данные обороты вариантами одной фразеологической единицы или выступают как синонимы, вопрос решается в пользу фразеологической синонимии» [Жуков 1987: 10].

г). Редуцированные пословицы составляют особую группу. Это пословицы, которые в речевом употреблении подвергаются регулярным сокращениям. Чаще всего сокращается один из компонентов пословичного текста:

*Беда (никогда) не приходит одна.
Беды мучат, (да) уму учат.
Делу время, (а) потехе час.
(Где) дрова рубят, (там и) щепки летят.
Воду (в ступе) толочь – вода и будет.
Горбатого (одна) могила исправит.
(Одна) паршивая овца все стадо портит.
(Летний) день год кормит.*

Есть целый ряд пословиц, у которых регулярно редуцируется последняя часть (усекается хвост пословицы). Более того, в сокращенном, неполном составе эти пословицы употребляются гораздо чаще, чем в полном. Нередко полный текст пословицы не все и знают. Например:

*Голод не тетка (пирожка не подсунет).
Что ни город, то норы (что ни деревня, то обычай).
Чем черт не шутит (пока бог спит).
Старость не радость (не красные дни).
Рука руку моет (и обе белы бывают).
Не все коту масленица (будет и великий пост).
Моя хата с краю (ничего не знаю).
За одного битого двух небитых дают (да и то не берут).
Двум смертям не бывать (а одной не миновать).
Век живи, век учись (а дураком помрешь).*

Редукция как отдельных компонентов, так и части пословицы не приводит к изменению смысла пословичного текста, поскольку пословица и в полном, и в усеченном составе называет одну и ту же типовую ситуацию. Несущественно изменяется и образность редуцированных пословиц, поскольку в основной своей части пословица остается неизменной. Это значит, что полный и редуцированный тексты не образуют отдельных единиц, а являются вариантами одной и той же пословицы. А.В.Кунин называет их «квантитативными вариантами» [Кунин 1972: 253], поскольку они образуются путем усечения части пословичного текста.

Редуцированные пословицы напоминают эллипсисы во фразеологии. По словам С.Г.Гаврина, «эллипсисы – это арсенал сокращенного выражения привычных, обиходных мыслей... Образование и функционирование эллипсисов подчинено одной общей закономерности – подчинению полных, описательных конструкций задачам лаконизации речи» [Гаврин 1973: 35]. Редуцированные пословицы используются именно для лаконизации речи. Их можно отнести к арсеналу средств сокращенного выражения привычных типовых ситуаций.

Регулярное редуцирование пословичного текста В.П.Жуков называет факультативностью, которая, по его словам, «существенно отличается от вариантности». Для наших целей, однако, важно не то, чем факультативность отличается от вариантности, а то, что «факультативность не влияет на категориальную характеристику пословиц» [Жуков 2001: 17] и потому не ведет к образованию самостоятельных пословичных единиц.

Таким образом, рассмотренные структурно-компонентные преобразования в пословичном тексте, наступающие в процессе функционирования пословиц в речи, в большинстве случаев приводят к образованию пословичных вариантов. Самостоятельные пословицы-синонимы образуются главным образом в том случае, если:

1) в пословичном тексте происходят несинонимические замены компонентов;

2) преобразования затрагивают и структуру, и основной компонентный состав текста.

В этих случаях наступают существенные изменения как в содержании пословиц, так и в их образно-метафорической форме. По этой причине преобразованные указанными способами пословичные тексты являются синонимами, а не вариантами.

ЛИТЕРАТУРА

Адрианова-Перетц 1957 – *Адрианова-Перетц В.П.* Пословицы и поговорки // Избранные пословицы и поговорки русского народа. М., 1957.

Амосова 1963 – *Амосова Н.Н.* Основы английской фразеологии. Л., 1963.

Аникин 1976 – *Аникин В.П.* О «логико-семиотической» классификации пословиц и поговорок // Русский фольклор. XVI. Л., 1976.

Аникин 1988 – *Аникин В.П.* Долгий век пословицы // Русские пословицы и поговорки. М., 1988.

Апресян 1957 – *Апресян Ю.Д.* Проблема синонима // Вопросы языкознания. 1957. № 6.

Благова 2000 – *Благова Г.Ф.* Пословица и жизнь: Личный фонд русских пословиц в историко-фольклористической ретроспективе. М., 2000.

Винокур 1929 – *Винокур Г.О.* Проблема культуры речи // Русский язык в советской школе. 1929. № 5.

Вяльцева 1975 – *Вяльцева С.И.* Окказиональное использование английских пословиц // Исследование лексической сочетаемости и фразеологии. Сб. трудов МГПИ. М., 1975.

Гаврин 1973 – *Гаврин С.Г.* Эллиптические устойчивые сочетания как категория фразеологии // Ученые записки Пермского ГПИ. Т. 121. Пермь, 1973.

Даль 1984 – *Даль В.И.* Пословицы русского народа. Сб. в 2-х томах. Т. 1. М., 1984.

Дандис 1978 – *Дандис А.* О структуре пословицы // Паремнологический сборник. М., 1978.

Евгеньева 1975 – *Евгеньева А.П.* Введение // Словарь синонимов. Л., 1975.

Жуков 1987 – *Жуков В.П. и др.* Словарь фразеологических синонимов русского языка. М., 1987.

Жуков 2001 – *Жуков В.П.* Словарь русских пословиц и поговорок. М., 2001.

Крикманн 1978 – *Крикманн А.А.* Некоторые аспекты семантической неопределенности пословиц // Паремнологический сборник. М., 1978.

Кунин 1970 – *Кунин А.В.* Английская фразеология (теоретический курс). М., 1970.

Кунин 1972 – *Кунин А.В.* Фразеология современного английского языка. М., 1972.

Мелерович, Мокиенко 2001 – *Мелерович А.М., Мокиенко В.М.* Фразеологизмы в русской речи. М., 2001.

Метева 1991 – *Метева Е.* Русский фольклор. София, 1991.

Наймушина 1984 – *Наймушина Т.А.* Пословицы и поговорки в художественном тексте. Автореф. канд. дисс. Л., 1984.

Панина 1986 – *Панина Л.С.* Образование фразеологических единиц на базе русских пословиц в русском языке. Автореф. канд. дисс. Ростов-на-Дону, 1986.

Пермяков 1988 – *Пермяков Г.Л.* Основы структурной паремнологии. М., 1988.

Райхштейн 1971 – *Райхштейн А.Д.* Немецкие устойчивые фразы. Л., 1971.

Савенкова 1989 – *Савенкова И.Е.* Структура и семантика пословиц и поговорок современного русского языка. Автореф. канд. дисс. М., 1989.

Савицкая 1962 – *Савицкая С.Н.* Об устойчивости фразеологических единиц // Вопросы теории английского и немецкого языков. Киев, 1962.

Селянина 1970 – *Селянина Л.И.* Варианты пословиц английского языка. Автореф. канд. дисс. М., 1970.

Тарланов 1999 – *Тарланов З.К.* Русские пословицы: синтаксис и поэтика. Петрозаводск, 1999.

Федосов 1974 – *Федосов И.Л.* Вариантность и функционально-стилистическая синонимия фразеологических единиц // Вопросы языкознания. 1974. № 6.

Чешко 1975 – *Чешко Л.А.* О синонимах и словаре синонимов русского языка // Александра З.Е. Словарь синонимов русского языка. М., 1975.

Шанский 1972 – *Шанский Н.М.* Лексикология современного русского языка. М., 1972.

Kuusi 1966 – *Kuusi M.* Ein Vorschlag für die Terminologie der paromiologischen Strukturanalyse // Proverbium. 1966. № 5.

Mieder 1985 – *Mieder W.* Popular views of the proverb // Proverbium. 1985. № 2.

Norricks 1985 – *Norricks N.R.* How proverbs mean. Semantic studies in English proverbs. Amsterdam, 1985.